УДК 94 (3)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-9-19

С. С. Иванов

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
ул. Фрунзе, 547, Бишкек, 720033, Кыргызстан*

sak@yandex.ru

К ОСНОВНЫМ ЭТАПАМ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САКОВ-ХАУМАВАРГА

Статья посвящена изучению особого этнополитического объединения полукочевого и кочевого населения, известного в древнеперсидских источниках, как саки-хаумаварга, которое чаще всего истолковывается как саки, почитающие (или готовящие) священный напиток хаому. На основании анализа письменной традиции было установлено, что данная группа среднеазиатских скотоводов занимала горный регион Памиро-Алая. Во второй половине VI в. до н. э. саки-хаумаварга подчиняются империи Ахеменидов, приблизительно на рубеже V и IV вв. до н. э. они выходят из их подчинения. После завоевания Средней Азии Александром Македонским они устанавливают отношения с эллинистическими государствами. В армии Греко-Бактрии прослеживается наличие наемников из числа саков-хаумаварга. На рубеже III и II вв. до н. э. в результате военной активности греко-бактрийских царей происходит сокращение территории этого объединения кочевников и постепенный его упадок.

Ключевые слова: Средняя Азия, древность, саки-хаумаварга, этнополитическая история, Ахемениды, эллинистические государства.

Саки-хаумаварга – одно из крупнейших этнополитических образований кочевников в древней Средней Азии, игравших заметную роль в политической истории региона на протяжении большей части I тыс. до н. э. Но несмотря на это, процессы формирования и развития этого объединения не совсем ясны и требуют дополнительного изучения.

Сам этноним «сака-хаумаварга» впервые отмечается в ахеменидских письменных памятниках и в переводе с древнеперсидского этноним означает «саки, которые почитают (или готовят) священный напиток хаому» [Schmitt, 2004. Р. 63]. Не совсем ясно, является ли оно самоназванием или хотя бы его приближенным по смыслу древнеперсидским переводом. Вполне возможно, что оно отражает наиболее характерную черту этой группы племен, выражавшуюся в почитании хаомы, что существенно отличало их от соседних группировок кочевников. Поэтому древние персы использовали это отличие в качестве своеобразного этнокультурного маркера подобно тому, как другой группе кочевников Средней Азии они дали название саки-тиграхауда, или «саки, носящие остроконечные шапки». По этой причине можно предполагать, что саки-хаумаварга – это экзоэтноним, который не использовался самими кочевниками этой группы, но широко применялся в Ахеменидской державе, вследствие чего дошел также в его греческой передаче «амиргии» (Herod., VII, 64). Но в то же время есть все основания утверждать, что ими использовался этноним «саки», о чем речь пойдет ниже.

Прежде всего, необходимо остановиться на вопросах локализации саков-хаумаварга, которые стали известны благодаря ахеменидской нарративной традиции только во второй половине

VI в. до н. э., но, вне сомнений, их объединение сформировалось гораздо ранее того времени, когда они попали в поле зрения древних персов.

В настоящее время доминирует представление, что группа саков-хаумаварга занимала крайние юго-восточные районы Средней Азии [Пьянков, 1968. С. 13–16; Piankov, 1994. Р. 37–38] – прежде всего, речь идет о горных районах Памиро-Алая, включая Гарм на северо-западе [Литвинский, 1972. С. 173–174]. Хотя можно полагать, что территория расселения этой группы саков была шире и охватывала также прилегающие с юга территории высокогорных районов Афганистана (Ваханский коридор) и Пакистана (Гилгит), с которыми зафиксированы тесные культурные связи населения древнего Памира¹. Кроме того, погребальные памятники, культурно очень близкие памирским, известны в районе современного Ташкурмана в Синьцзяне (памятники типа сябаобао), что указывает на то, что эти территории также входили в состав единого этнокультурного образования [Шульга, 2010. С. 20. Рис. 1, v]. Не совсем при этом ясна северная граница объединения саков-хаумаварга, которая, вероятно, доходила до южных пределов Ферганской долины [Piankov, 1994. Р. 38].

Подобная локализация саков-хаумаварга вполне согласуется с данными ахеменидских источников, которые чаще всего помещают их рядом с Гандхарой – областью в северной части исторической Индии [Щеглов, 1999. С. 52–54]. На это соседство также недвусмысленно намекал Курций Руф (Curt., VII, 4. 6). В то же время Геродот указывает на соседство амиргийских саков с Бактрией (Herod., IX, 113), причем в этом случае располагаться они могли только к востоку и северо-востоку от этой исторической области [Литвинский, 1972. С. 164–165]. Данные сведения достаточно четко указывают на горные районы юго-востока Средней Азии, как места расселения саков-хаумаварга.

Таким образом, местами проживания саков-хаумаварга вполне уверенно можно считать горные районы Памира, Алая и прилегающих районов Афганистана, Пакистана и Синьцзяна.

Несмотря на то, что саки-хаумаварга упоминаются только со второй половины VI в. до н. э., формирование этнополитического объединения саков-хаумаварга начинается гораздо раньше – уже в VIII–VII вв. до н. э. Именно с этого времени начинает оформляться комплекс культурных черт, характерных для погребальных памятников Памира на протяжении всего сакского периода. Правда, не совсем ясно, откуда шел интеграционный импульс, который привел к оформлению объединения саков-хаумаварга. Впрочем, и само объединение относительно изолированных горных районов юго-востока Средней Азии и прилегающей части Афганистана и Пакистана шло относительно медленно и продолжалось на протяжении нескольких столетий уже в составе саков-хаумаварга. Это хорошо прослеживается на археологических материалах, где четко заметны два культурных ареала: памирский и алайский, которые существенно различаются, причем не только по облику культуры, но и, судя по всему, по первоначальной этнической основе.

Алайский вариант культуры по своему облику тяготеет к кочевникам Притяньшанья, хотя и имеет все же ощутимое своеобразие [Ташбаева, 2011. С. 143–145, 158–164]. В то время как памирский вариант культуры [Литвинский, 1972. С. 132–134], вероятнее всего, складывался на основе местного населения, родственного, по-видимому, позднейшим буришкам, но все же при сильнейшем культурном влиянии раннескифских культур Синьцзяна и Саяно-Алтая. Можно предполагать, что местный субстрат был ассимилирован более малочисленными пришельцами, но в то же время сыграл заметную роль в формировании общего облика культуры. Это в свою очередь позволяет предполагать, что в формировании культуры Алая и Памира приняла участие общая миграционная волна, имевшая место в самом начале I тыс. до н. э. [Бернштам, 1952. С. 210–211, 324–325].

Однако хорошо заметно взаимное влияние обоих культурных вариантов, разделенных также и существенными естественными преградами – высокими горными хребтами и труднодо-

¹ Вместе с тем М. А. Бубнова сомневалась в том, что высокогорные территории Памира были населены саками (подробнее об этом см.: [Бубнова, 2010]).

ступными перевалами. Впрочем, это не помешало формированию общего, достаточно устойчивого этнополитического образования.

Подобное этнокультурное взаимодействие между Алаем и Памиром прослеживается также и на основе антропологических материалов. С одной стороны, заметно проникновение средиземноморского элемента с Памира на Алай, причем отмеченное преимущественно по женским черепам; с другой, прослеживается и обратная инфильтрация антропологических признаков, свойственных сакскому населению Алая, что особенно заметно в прилегающей к нему северо-восточной части Памира. Это можно объяснить только интенсивными брачными контактами двух групп населения, которые могли быть возможны в рамках единого этнополитического объединения [Тур, 1997. С. 11–12, 21–22; Ташбаева, 2011. С. 171; Ходжайов, Ходжайова, 2015. С. 83–84; Бубнова, 2015. С. 34].

Становление общего культурного пространства способствовало упрочению этнических контактов и усилению политического сближения скотоводческих племен горных районов юго-востока Средней Азии, что постепенно приводит к оформлению не ранее рубежа VII и VI вв. до н. э. нового этнополитического образования саков-хаумаварга.

По-видимому, они к этому времени играли уже заметную политическую роль в регионе, поскольку в период покорения персидским царем Киром II Средней Азии они оказали персам ощутимое сопротивление, что нашло отражение в труде Геродота, упомянувшего, что в числе его важнейших противников были «Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне» (Herod., I, 153. 4). То, что под «саками» здесь имеются в виду именно саки-хаумаварга, не вызывает особых сомнений, поскольку в нескольких ранних ахеменидских надписях, в том числе в Бехистунской, они упомянуты в том же качестве [Литвинский, 1972. С. 163–164; Дандамаев, 1985. С. 102–103]. И только после включения в состав империи Ахеменидов других групп кочевников они получают уточняющий эпитет «хаумаварга», чтобы отличать их от иных этнополитических объединений номадов. А учитывая сведения Плиния о том, что персы всех кочевников «назвали обобщающе саками от ближайшего племени» (Plin., N. H., VI, 50), можно с полным основанием утверждать, что именно данная группа кочевников использовала этноним «саки» в качестве самоназвания [Пьянков, 1968. С. 12–18].

Ожесточенное сопротивление, оказанное персам саками-хаумаварга, объясняется, по-видимому, не только тесными этническими и политическими взаимосвязями кочевого и полукочевого населения Памиро-Алая с соседними земледельческими областями (особенно с Бактрией), но и также теснейшими экономическими взаимоотношениями между ними. Последние были особенно важны для скотоводческого населения высокогорных районов региона, нуждавшегося в получении продуктов земледелия из соседних областей региона. Поэтому покорение древними персами земледельческих областей Средней Азии, нарушившее издавна сложившиеся взаимосвязи с окружающими их номадами, вполне закономерно вызвало военное столкновение с населением соседних кочевых и полукочевых районов. Как считает М. А. Дандамаев, саки-хаумаварга были покорены Ахеменидами уже при Кире II, в период с 545 по 539 г. до н. э., и с этого времени они достаточно прочно вошли в состав древнеперсидского царства [1985. С. 28–29].

В период 522–521 гг. саки-хаумаварга принимают участие в грандиозном восстании среднеазиатских народов против Дария I и, нужно полагать, оказывают повстанцам действенную помощь. Но после подавления очагов антиперсидского движения в регионе они возвращаются под контроль Ахеменидов [Там же. С. 103–104]. Вероятно, что они были вновь покорены в результате очень локальной военной акции, проведенной остававшимся верным Дарию I на протяжении всего восстания в Средней Азии сатрапом Бактрии Дадаршишем, либо добровольно подчинились власти персидского царя после разгрома основных очагов восставших в регионе [История таджикского народа, 1998. С. 256].

При Дарии I (522–486 гг. до н. э.) саки-хаумаварга, наряду с саками-тиграхауда² и восточными каспиями (каспирами)³, которые занимали северные районы Индии – входят в XV сатрапию, представлявшую собой огромное искусственное объединение горных районов на самом востоке империи Ахеменидов. Помимо выплаты дани, которая, судя по древнеперсидским рельефам из Персеполя (делегация № 11 Ападаны)⁴, взималась не только серебром, золотом, но и драгоценными и полудрагоценными камнями, конями, оружием и другими ценными предметами [Schmidt, 1953. Р. 43; История таджикского народа, 1998. С. 259, 262], саки-хаумаварга вынуждены были также поставлять в персидскую армию воинские контингенты для участия в военных кампаниях. Так, они принимают участие в Греко-персидских войнах (500–449 гг. до н. э.) (Herod., VI, 133; VIII, 113; IX, 31, 71), а также, видимо, в других локальных конфликтах, которые велись Ахеменидами.

При этом, в ходе в военной кампании Ксеркса в Греции саки-хаумаварга, по-видимому, сражались в едином сводном контингенте вместе с саками-тиграхауда. В пользу этого указывает один из пассажей Геродота, где сообщается, что «амиргийские саки», в которых мы без сомнения можем видеть саков-хаумаварга, были одеты в высокие, островерхие шапки (Herod., VII, 64). Но они не носили подобного рода головные уборы, что хорошо известно по их изображениям на ахеменидских рельефах. В то же время подобные высокие башлыки были отличительной чертой другой группы среднеазиатских кочевников – саков-тиграхауда. Это позволяет сделать вывод, что Ахемениды свели воинов этих двух групп кочевников в единый отряд. Это выглядит еще более закономерным, если учесть, что они входили в тот момент в состав одной сатрапии.

Персы особо ценили боеспособность воинских отрядов кочевников Средней Азии и по этой причине способствовали созданию военных колоний саков на территории Месопотамии, где они получали специальные воинские земельные наделы, за которые должны были нести потомственную военную службу в ахеменидских войсках [Дандамаев, 2009. С. 322–326]. Но, по-видимому, в этих колониях селились не только саки-хаумаварга, но и выходцы из других кочевых областей Средней Азии.

Однако глубокий политический кризис в государстве Ахеменидов на рубеже V и IV вв. до н. э., приведший к значительному ослаблению центральной власти [Там же. С. 240–246], вызвал также заметное ослабление власти персов в Средней Азии. Как представляется, именно на волне этих событий становятся независимыми Хорезм [Балахванцев, 2006. С. 371–373] и, видимо, саки-тиграхауда. Вероятно, звеном в цепи этих же событий стал выход из повиновения и высокогорных районов, занимаемых саками-хаумаварга, где и прежде власть Ахеменидов была не особенно сильна.

Впрочем, выход этой группы саков из подчинения персам не сопровождался военным конфликтом с последними, поскольку уже в IV до н. э. они считались союзниками империи Ахеменидов (Arr., III, 8. 3). Поэтому можно предполагать, что персы вынуждены были проявить гибкость для сохранения стабильности в подвластных им сельскохозяйственных областях Средней Азии и пойти на выстраивание долговременных союзнических отношений с кочевыми объединениями региона, в том числе и с саками-хаумаварга. Причем последние продолжали поставлять воинов в ахеменидскую армию, но теперь уже в качестве наемных отрядов.

Подобный крупный отряд под предводительством Мавака принял участие на стороне персов против войск Александра Македонского в знаменитом сражении при Гавгамелах (Арбелах) в 331 г. до н. э., решившем судьбу государства Ахеменидов [Шофман, 1976. С. 90; Абдуллаев, 2002. С. 14]. При этом античная традиция особо подчеркивает, что данные саки не являются

² Более развернуто о возможности локализации саков-тиграхауда ахеменидских надписей на северо-востоке Средней Азии см.: [Иванов, 2015].

³ Восточные каспии, или каспиры, были, по-видимому, коренным неиндоевропейским населением западной части Гималаев, потомками которых, возможно, являются современные буришки [Piankov, 1994. Р. 42–45].

⁴ Часто эта делегация идентифицируется как согдийцы, но обзор предметов, которые они несут в качестве даров – кинжалы скифского типа, клевцы / чеканы, а также одежда характерны более для кочевого и полукочевого населения Средней Азии, что позволяет их рассматривать именно как саков-хаумаварга.

подданными персидского царя, а лишь его союзниками (Арт., III, 8. 3), чтобы отличить их от потомков сакских военных колонистов Месопотамии.

Сомневаться, что в битве при Гавгамелах принимали участие именно саки-хаумаварга, не приходится. Поскольку именно термин «саки» античные источники, повествующие о походах Александра Македонского на Восток, применяют только по отношению к кочевникам, жившим северо-восточнее Бактрии [Щеглов, 2006. С. 288–291], т. е. только по отношению к группе саков-хаумаварга.

После разгрома персидской армии при Гавгамелах ее остатки отошли в Мидию вместе с бежавшим туда Дарием III, после чего ее отряды, сформированные по этническому признаку, разошлись по родным областям [Kuhrt, 2007. Р. 447]. Нужно полагать, что и остатки контингента саков-хаумаварга вернулись на родину, не приняв какого-либо существенного участия в событиях окончательного крушения государства.

Видимо, впечатлением, произведенным крушением империи Ахеменидов и столкновением с греко-македонским войском при Гавгамелах, можно объяснить ту выжидательную позицию, которую заняли саки-хаумаварга во время военной кампании Александра Македонского в Средней Азии.

Известно, что вскоре после поражения засырдарьинских «скифов» в 329 г. до н. э. в битве на реке Яксарт / Танаис саки-хаумаварга посылают к Александру Македонскому посольство, которое, по словам Курция Руфа, было милостиво принято македонским царем. В этом отношении интересно замечание, что саки были впечатлены снисходительностью к пленным «скифам», которых Александр отпустил без выкупа, что и стало причиной отправки посольства (Curt., VII, 9. 17–19). Складывается впечатление, что саки-хаумаварга не без оснований опасались нападения греко-македонских войск. Причина подобных опасений может быть сокрыта в том, что данная группировка кочевников традиционно была верным союзником Ахеменидов в регионе, и их крупный отряд даже принимал участие на стороне персов в сражении при Гавгамелах. Поэтому они решили отправить посольство, чтобы заверить македонского царя в своем миролюбивом расположении.

Однако Александр Македонский в этом случае пошел на хитрость. Милостиво приняв сакских послов, он отправляет с ними одного из своих гетайров – Эксципина, которому фактически выпала роль быть лазутчиком. Это показывает, что македонский царь не оставлял возможности нападения на саков-хаумаварга.

В начале 327 г. до н. э., после окончательного покорения Согдианы, Александр внезапно нападает на саков-хаумаварга. Греко-македонские войска шесть дней продвигались по пустынным, гористым территориям, пока не достигли владений саков, опустошив которые, захватили огромное количество скота – 30 тыс. голов (Curt., VIII, 4. 20). Как не без оснований считает Д. А. Щеглов, такое огромное количество скота воины Александра могли захватить только в Алайской долине, которая издревле была богата прекрасными пастбищами [2006. С. 284–285].

Саки же, как видно из развития событий, не были готовы к такому вторжению, отчего практически не оказали сопротивления внезапному нападению войск Александра. Сам же македонский царь подобной военной акцией достиг несколько целей: продемонстрировал силу и ослабил бывшего союзника Ахеменидов в регионе, что могло удержать саков-хаумаварга от враждебных действий после ухода основных сил Александра в Индию.

Последующее укрепление власти эллинистических государств в Средней Азии открывает новую страницу в истории этнополитического объединения саков-хаумаварга. И если их взаимоотношения с государством Селевкидов не совсем ясны, то формирование в середине III в. до н. э. независимого Греко-Бактрийского царства налагает существенный отпечаток на политическое положение этой группы кочевников.

Взаимоотношения Греко-Бактрии со своей кочевой периферией на восточной границе носили комплексный характер. С одной стороны, находки значительного количества типичных сакских бронзовых наконечников стрел на различных городищах, в том числе в арсенале крупного городища Ай-Ханум, позволяют говорить о наличии значительного количества сакских наем-

ников в греко-бактрийских войсках [Ягодин, 1984. С. 48. Рис. 1, 15; Рис. 5, 9–10; Литвинский, 2001. С. 75–77. Табл. 18, 29–31; Табл. 19, 47–48]. Поскольку маловероятно, чтобы греческие или коренные бактрийские отряды использовали столь специфические формы стрел, поэтому их сакская принадлежность неоспорима. Наличие наемных сакских отрядов в армии Греко-Бактрии подтверждается также греческой надписью на коже из Северного Афганистана, в которой указывается о принятии на службу подобного отряда царем Антимахом I, время правления которого определяется различными исследователями в промежутке между 185 и 165 гг. до н. э. [Clarysse, Thompson, 2007. S. 275–277]. Не приходится сомневаться, что подобная практика имела место и ранее первой половины II в. до н. э., что полностью согласуется с упомянутыми находками специфических наконечников стрел на памятниках эллинистической Бактрии⁵.

С другой стороны, вдоль большей части среднего и нижнего течения Пянджа по обоим берегам реки была построена цепь крепостей, чтобы, вероятно, охранять от кочевников торговые пути, шедшие на восток через Ваханский коридор – в государства Восточного Туркестана [Мандельштам, 1957. С. 77]. По-видимому, большая часть крепостей была построена на рубеже III и II вв. до н. э. в период военной активности царей Эвтидема (ок. 225–190 гг. до н. э.) и его сына Деметрия I (ок. 190–171 гг. до н. э.), которые, как известно, совершили несколько кампаний против кочевников на северо-восточных границах и, возможно, установили даже временный контроль над самыми юго-западными областями современного Синьцзяна (Strab., XI, 11. 1). Это позволяет предполагать, что в это время происходит сокращение территории объединения саков-хаумаварга, вследствие чего оно постепенно начинает приходить в упадок [Иванов, 2012. С. 35–37].

Сокращение же пастбищ могло негативно сказаться на социально-экономической обстановке в среде саков-хаумаварга, только ускорив их ослабление. На фоне возможной потери контроля над соседними земледельческими районами, дальнейшего ослабления экономических связей со среднеазиатскими оседлыми областями, а также Северной Индией, такой кризис еще более вероятен.

Поэтому нужно полагать, что военная активность греко-бактрийских правителей на рубеже III и II вв. до н. э. в значительной мере ослабляет объединение саков-хаумаварга. Но к окончательному упадку данное объединение, вероятно, приводят существенные передвижения кочевников в середине II в. до н. э. Как считается, через территорию Памира в Северную Индию прошли отдельные группы саков Притяньшанья (известных ранее под этнополитонимом саков-тиграхауда), выдвинутые оттуда миграцией с востока юэчжей [Pulleyblank, 1970. P. 157–159].

На рубеже эр к югу от Ферганской долины уже известен целый ряд самостоятельных кочевых и полукочевых племен [Бернштам, 1952. С. 190–193, 204; Литвинский, 1972. С. 188], что указывает на окончательный кризис и распад к I в. до н. э. некогда могущественного этнополитического объединения саков-хаумаварга. При этом, видимо, какая-то его часть была увлечена движением на юг – в Индию, где они приняли участие в создании новых политических объединений. Оставшаяся же на Памире часть племенного объединения саков-хаумаварга, по-видимому, внесла вклад в формирование последующих памирских народностей.

Список литературы

Абдуллаев К. Александр и номады Средней Азии // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Самарканд, 2002. С. 14–15.

Балахванцев А. С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: историко-этнографический аспект // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. 2 (27). СПб., 2006. С. 365–375.

⁵ К числу специфически сакских наконечников стрел в данном случае можно отнести бронзовые экземпляры с зажимами в нижней части, при помощи которых они крепились к древку. Пик их применения среднеазиатскими кочевниками приходится на V–III вв. до н. э. [Литвинский, 1972. С. 96–97. Табл. 30, 19; Табл. 34, 10–13; Иванов, 2007. С. 64–69].

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 345 с.

Бубнова М. А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир. Душанбе: УЦА, 2015. 280 с.

Бубнова М. А. Кто освоил пастбища Восточного Памира в I тыс. до н. э.? // Древние культуры Евразии. СПб., 2010. С. 135–141.

Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э. Социальные институты и идеология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 512 с.

Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. 319 с.

Иванов С. С. Военно-политические взаимоотношения саков Семиречья и Тянь-Шаня с Греко-Бактрией // Билим жана тарбия. 2012. № 1 (13). С. 35–38.

Иванов С. С. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2007. Вып. 2. С. 64–70.

Иванов С. С. К вопросу об этнической идентификации древних кочевников Притяньшанья в сакский период // Комплексный подход в изучении природы, общества и человека. Бишкек, 2015. С. 116–121.

История таджикского народа. Душанбе: Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, 1998. Т. 1: Древнейшая и древняя история. 751 с.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.

Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии. М.: Вост. лит., 2001. Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. 528 с.

Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. 181 с.

Пьянков И. В. Саки (содержание понятия) // Изв. АН ТаджССР. Отделение общественных наук. 1968. № 3 (53). С. 12–19.

Таибаева К. И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим, 2011. 274 с.

Тур С. С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 25 с.

Ходжайов Т. К., Ходжайова Г. К. К проблеме формирования антропологического состава киргизов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 82–91.

Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1976. 522 с.

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 240 с.

Щеглов Д. А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Македонского // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. 2 (27). СПб., 2006. С. 276–316.

Щеглов Д. А. Структура «списков стран» древнеперсидских надписей // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999. С. 52–55.

Ягодин В. Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. М., 1984. Вып. 3: Материалы Советско-Афганской экспедиции. С. 33–57.

Clarysse W., Thompson D. J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2007. Bd. 159. S. 273–279.

Kuhrt A. The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period. Abingdon; New York: Routledge, 2007. Vol. 1. 465 p.

Piankov I. V. The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute: the Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the former Soviet Union. New Series. 1994. Vol. 8. P. 37–46.

Pulleyblank E. G. The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih Migration // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1970. Vol. 33. Pt. 1. P. 154–160.

Schmidt E. F. Persepolis. Chicago: The University of Chicago, Oriental Institute Publications, 1953. Vol. 1: Structures, reliefs, inscriptions. 612 p.

Schmitt R. Haumavargā // *Encyclopedia Iranica*. 2004. Vol. 12. Fasc. 1. P. 63–64.

Список источников

Arr. – Флавий Арриан. Поход Александра. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 384 с.

Curt. – Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М.: Изд-во МГУ, 1963. 478 с.

Herod. – Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 604 с.

Plin. – Pliny. *Natural History*. Cambridge: Harvard University Press; London: William Heinemann LTD, 1942. Vol. 2. 690 p.

Strab. – Страбон. География. М.: Наука, 1964. 944 с.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2018

S. S. Ivanov

*J. Balasagyn Kyrgyz National University
547 Frunze Str., Bishkek, 720033, Republic of Kyrgyzstan*

sak@yandex.ru

ON THE GENERAL STAGES OF ETHNO-POLITICAL HISTORY OF SAKA HAUMAVARGA

In the beginning of the I Millennium BC on the territory of ancient Central Asia a special ethno-political union of nomadic people was formed, known in ancient Persian sources as the Saka haumavarga. They are most often referred to as Sakas, who worshiped or prepared the sacred drink of haoma. This article systematically investigates the process of formation and historical development of the ethno-political union of the Saka haumavarga as one of the most powerful associations of ancient nomads in Central Asia. Special attention is also paid to the issue of various features which formed this group of nomads. In addition, the aim of the study was to examine the influence of external factors on the integration of pastoral populations in isolated mountainous areas of Pamir-Alay as this phenomenon is poorly understood. The process of formation of ethno-political education of the Saka haumavarga was rather lengthy - supposedly having been completed at the turn of the 7th – 6th centuries BC. In the second half of the 6th century BC the Saka haumavarga are occupied by the Achaemenid Empire and forced to pay taxes and supply military contingents of the Persian kings. Around the turn of the 5th and 4th centuries BC they are freed of their subordination. After the conquest of Central Asia by Alexander the Great, they establish a variety of relations with the Hellenistic states. Despite cool relations with the Greco-Bactria, there is evidence of the presence of mercenaries from the Saka haumavarga within the troops of this Hellenistic kingdom. At the turn of the 3rd and 2nd centuries BC as a result of military activity of the Greco-Bactrian kings, a reduction of territory of this Saka haumavarga union commences its gradual decline. The final collapse of this ethno-political group occurs towards the end of the 2nd century BC, as small independent tribes of local nomads are known to be the only inhabitants of the Pamir-Alay territory at this point in time.

Keywords: Central Asia, Antiquity, Saka Haumavarga, Ethno-political history, Achaemenids, Hellenistic states.

References

- Abdullaev K. Aleksandr i nomady Srednei Azii [Alexander and the Nomads of Middle Asia]. *Tsivilizatsii Tsentral'noi Azii: zemledel'tsy i skotovody, traditsii i sovremennost'* [The Civilizations of Central Asia: Farmers and Herders, Traditions and Present]. Samarkand, 2002, p. 14–15. (in Russ.)
- Balakhvantsev A. S. K voprosu o vremeni otpadeniya Khorezma ot derzhavy Akhemenidov: istochnikovedcheskii aspekt [On the Time of Separation of Khoresm from Achaemenid Empire: Source Criticism Aspect]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya* [Memoirs of Oriental Department of Russian Archaeological Society. New Series]. St. Petersburg, 2006, vol. 2 (27), p. 365–375. (in Russ.)
- Bernshtam A. N. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan'-Shanya i Pamiro-Alaya. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. № 26* [Historical and Archaeological Essays on the Central Tian Shan and Pamir-Alay. Proceedings and Investigations of USSR Archaeology. No. 26]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952, 345 p. (in Russ.)
- Bubnova M. A. *Arkheologicheskaya karta Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti. Vostochnyi Pamir* [The Archaeological Map of Mountainous Badakhshan Autonomous Area. Eastern Pamir]. Dushanbe, UTSA, 2015, 280 p. (in Russ.)
- Bubnova M. A. Kto osvoil pastbischa Vostochnogo Pamira v I tys. do n. e.? [Who Occupied the Pastures of Eastern Pamir in 1st mill. BC?]. *Drevnie kul'tury Evrazii* [The Ancient Cultures of Eurasia]. St. Petersburg, 2010, p. 135–141. (in Russ.)
- Clarysse W., Thompson D. J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2007, Bd. 159, S. 273–279.
- Dandamaev M. A. *Mesopotamiya i Iran v VII–IV vv. do n. e. Sotsial'nye instituty i ideologiya* [Mesopotamia and Iran in 7th – 4th centuries BC. Social Institutes and Ideology]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2009, 512 p. (in Russ.)
- Dandamaev M. A. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoi derzhavy* [The Political History of Achaemenid Empire]. Moscow, Nauka, 1985, 319 p. (in Russ.)
- Istoriya tadzhikskogo naroda* [The History of Tajik People]. Dushanbe, Institut istorii, arkheologii i etnografii im. A. Donisha, 1998, vol. 1. Drevneishaya i drevnyaya istoriya [Prehistory and Ancient History], 751 p. (in Russ.)
- Ivanov S. S. K voprosu o zazhimnykh bronzovykh nakonechnikakh strel [To the Question of Clipped Bronze Arrowheads]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and Investigations on Archaeology of Kyrgyzstan]. Bishkek, 2007, iss. 2, p. 64–70. (in Russ.)
- Ivanov S. S. K voprosu ob etnicheskoi identifikatsii drevnikh kochevnikov Prityan'shan'ya v saksii period [On the Question of Ethnic Identification of Ancient Nomads of Tian Shan Region]. *Kompleksnyi podkhod v izuchenii prirody, obshchestva i cheloveka* [Integrated Approach in the Studying of Nature, Society and Man]. Bishkek, 2015, p. 116–121. (in Russ.)
- Ivanov S. S. Voenno-politicheskie vzaimootnosheniya sakov Semirech'ya i Tyan'-Shanya s Greko-Baktriei [The Military and Political Relationship of Saka Tribes of Semirechie and Tian Shan with Graeco-Bactria]. *Bilim zhana tarbiia* [The Knowledge and Education], 2012. no. 1 (13), p. 35–38. (in Russ.)
- Khodzhaiov T. K., Khodzhaiova G. K. K probleme formirovaniya antropologicheskogo sostava kirgizov [On the Problem of Formation of Anthropological Composition of Kyrgyz People]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2015, no. 3 (30), p. 82–91. (in Russ.)
- Kuhrt A. *The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period*. Abingdon; New York, Routledge, 2007, vol. 1, 465 p.
- Litvinsky B. A. *Drevnie kochevniki «kryshi mira»* [The Ancient Nomads of “The World's Roof”]. Moscow, Nauka, 1972, 272 p. (in Russ.)

Litvinsky B. A. *Khram Oksa v Baktrii* [*The Temple of Oxus in Bactria*]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2001, vol. 2. Baktriiskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste [Bactrian Arm and Armour in the Ancient Eastern and Greek Context], 528 p. (in Russ.)

Mandel'shtam A. M. *Materialy k istoriko-geograficheskomu obzoru Pamira i pripamirskikh oblastei* [*The Data on Historic and Geographic Study of Pamir and Trans-Pamir Areas*]. Stalinabad, Izdatel'stvo Akademii nauk Tadzhikskoi SSR, 1957, 181 p. (in Russ.)

Piankov I. V. The Ethnic History of the Sakas. *Bulletin of the Asia Institute: the Archaeology and Art of Central Asia, Studies from the Former Soviet Union, New Series*, 1994, vol. 8, p. 37–46.

Pulleyblank E. G. The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih Migration. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1970, vol. 33, pt. 1, p. 154–160.

Pyankov I. V. Saki (soderzhanie ponyatiya) [The Sakas (On the Meaning of Definition)]. *Izvestiya AN TadzhSSR. Otdelenie obschestvennykh nauk* [Proceedings of Academy of Science of Tajik SSR. Department of Social Science], 1968, no. 3 (53), p. 12–19. (in Russ.)

Scheglov D. A. Kochevye narody Srednei Azii po svedeniyam istorikov Aleksandra Makedonskogo [The Nomadic People of Middle Asia by Information from Alexander of Macedon's Historians]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arheologicheskogo obschestva. Novaya seriya* [Memoirs of Oriental Department of Russian Archaeological Society. New Series]. St. Petersburg, 2006, vol. 2 (27), p. 276–316. (in Russ.)

Scheglov D. A. Struktura «spiskov stran» drevnepersidskikh nadpisei [The Structure of the “List of Lands” of Ancient Persian Inscriptions]. *Izuchenie kul'turnogo naslediya Vostoka. Kul'turnye traditsii i preemstvennost' v razvitii drevnikh kul'tur i tsivilizatsii* [The Study of Cultural Heritage of the Orient. The Cultural Traditions and Continuity in Development of Ancient Cultures and Civilizations]. St. Petersburg, 1999, p. 52–55. (in Russ.)

Schmidt E. F. *Persepolis*. Chicago, The University of Chicago, Oriental Institute Publications, 1953, vol. 1. Structures, reliefs, inscriptions, 612 p.

Schmitt R. Haumavargā. *Encyclopedia Iranica*, 2004, vol. 12, fasc. 1, p. 63–64.

Shofman A. S. *Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo* [The Oriental Politics of Alexander of Macedon]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1976, 522 p. (in Russ.)

Shulga P. I. *Sin'ts'ian v VIII–III vv. do n. e. Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya* [Xinjiang in 8th – 3rd Centuries BC. Burial Complexes. Chronology and Periodization]. Barnaul, AGU, 2010, 240 p. (in Russ.)

Tashbaeva K. I. *Kul'tura rannikh kochevnikov Tyan'-Shanya i Alaya* [The Culture of the Early Nomads of Tian Shan and Alay]. Bishkek, Ilim Publ., 2011, 274 p. (in Russ.)

Tur S. S. *Kochevniki Kyrgyzstana sako-usun'skogo vremeni (po materialam paleoantropologicheskogo issledovaniia)* [The Nomads of Kyrgyzstan of Saka-Wusun Period (On the Base of Paleoanthropological Research)]. Abstract of Ph. D. Thesis. Barnaul, 1997, 25 p. (in Russ.)

Yagodin V. N. Bronzovye nakonechniki strel iz Yuzhnoi Baktrii [The Bronze Arrowheads from South Bactria]. *Drevnyaya Baktriya* [The Ancient Bactria]. Moscow, 1984, iss. 3. p. 33–57. (in Russ.)

Sources

Arr. – Flavius Arrianus. *Pokhod Aleksandra* [Anabasis Alexandri]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962, 384 p. (in Russ.)

Curt. – Quintus Curtius Rufus. *Istoriya Aleksandra Makedonskogo* [Historiae Alexandri Magni Macedonis]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1963, 478 p. (in Russ.)

Herod. – Herodotus. *Istoriya v devyati knigakh* [Historiae in 9 books]. Moscow, Nauka, 1972, 604 p. (in Russ.)

Plin. – Pliny. *Natural History*. Cambridge, Harvard Univ. Press; London, William Heinemann LTD, 1942, vol. II, 690 p.

Strab. – Strabo. *Geografia* [Geographica]. Moscow, Nauka, 1964, 944 p. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванов Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Республика Кыргызстан)

Ivanov Sergey Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of International Relations and Oriental Studies, J. Balasagyn Kyrgyz National University (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan)

Для цитирования / For citation

Иванов С. С. К основным этапам этнополитической истории саков-хаумаварга // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 9–19.

Ivanov S. S. Key Stages of Ethno-Political History of the Saka Haumavarga. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 9–19. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-9-19